

Виталий Куренной

ПЕРМАНЕНТНАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Понятие «революция» в современном социально-политическом лексиконе используется крайне часто. Некоторые российские авторы (например, Владимир Мау¹) настаивают на том, что перестройка — это революция. Обычными стали рассуждения о серии революций конца 1980 — начала 1990-х гг., произошедших на постсоветском пространстве. Новый всплеск частотности использования понятия «революция» вызван политическими событиями на Украине и в Средней Азии, за которыми закрепилось название «цветные революции»².

Это наблюдение свидетельствует о культурно-семантическом сдвиге, который влечет дискурсивное обесценивание понятия «революция» как категории социокультурного анализа и фундаментального исторического понятия. Проблема не только в том, что содержание этого термина становится семантически нечетким и размытым (размытость — неотъемлемая особенность ключевых понятий социально-политического дискурса). «Революция» является не только и не столько техническим термином актуального политического и теоретического дискурса, но ценностно-нагруженным понятием, играющим важную роль в смысловом самоопределении современного человека, в системе его исторической смысловой ориентации. Иными словами, оно является основным историческим понятием в смысле Райхарта Козеллика. Об этом свидетельствуют постоянно возобновляющиеся дискуссии о признаках революции, критериях, позволяющих отличать революцию от других типов социальной трансформации. Эти споры не являются схоластическим диспутом о словах именно в силу указанной ценностной и мировоззренческой нагрузки, которую несет понятие «революция». Индивидуальная, а затем и социальная память современных обществ видит в революции рубеж, принципиальным образом разделяющий общественный порядок «до» и «после» революции. Семантическая дисперсия понятия

1 См., в частности: Мау В. Есть у революции начало: 20 лет Перестройке // Профиль. 11. 28 марта 2005. [http://www.aue.ru/html/315_147463.php].

2 Такого же рода концептуальная рамка использовалась при формулировке дискуссионных вопросов организаторами семинара Института Восточной Европы, где была представлена начальная версия настоящего текста.

«революция», напротив, ведет к тому, что смысловой горизонт существования современного человека лишается устойчивых исторических ориентиров, место которых занимает расплывчатое множество социальных трансформаций, образующих событийный континуум истории.

Этот процесс обесценивания можно рассматривать как имманентную тенденцию современной капиталистической системы, направленную на стирание исторической памяти о революции как возможности фундаментального социально-политического переустройства общества. Речь идет о тенденции стирания памяти об одном – социалистическом – типе революции, осмыслявшей себя как установление нового социального порядка, альтернативного капиталистической системе как таковой. При этом социальный порядок, установленный другим – буржуазным – типом революции приобретает безальтернативный характер. Особенность же современной капиталистической системы состоит в том, что она вобрала революционность как момент своего существования. Это обстоятельство обнаруживает себя, в частности, в семантической зыбкости категории «революция».

ЧИСТАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Шмуэль Эйзенштадт в работе «Революция и преобразование обществ» (вышла в свет в 1978 г.) предлагает следующую реконструкцию чистой, или подлинной революции³. Согласно его определениям революция – это «самый интенсивный, насильственный и осознанный процесс из всех социальных движений». В подлинной революции видят «предельное выражение свободной воли и глубоких чувств, проявление незаурядных организационных способностей и высокоразвитой идеологии социального протеста. Особое значение придается утопическому или освободительному идеалу, основанному на символике равенства, прогресса, свободы и на убеждении, что революции создают новый и лучший социальный порядок».

Если революция является подлинной, то она, согласно своему определению, не может быть выражением чисто временных фрустраций или маргинальных нарушений. Считается, что предпосылками чистой революции являются «фундаментальные социальные аномалии или вопиющие проявления несправедливости, соединение борьбы между элитами с более широкими и глубокими социальными факторами, подобными классовый борьбе, социальные сдвиги, вовлечение в социальное движение крупных (особенно вновь возникающих) общественных групп и их политическая организация».

По своим результатам подлинная, или чистая революция отличается, согласно Эйзенштадту, пятью основными особенностями:

1. насильственным изменением существующего политического режима, основ его легитимности и его символики;

³ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 44–45.

2. заменой недееспособной политической элиты или правящего класса другими социальными группами;
3. далекоидущими изменениями во всех важнейших институциональных сферах, в первую очередь в экономике и классовых отношениях; изменениями, которые направлены на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе;
4. радикальным разрывом с прошлым (хотя А. Токвиль указывает на условность этого разрыва);
5. на основании своих крайне идеологизированных, милленаристских представлений участники революции считают, что революция осуществляет не только институциональные и организационные преобразования, но вносит изменения в нравственность и воспитание, что она создает, или порождает, нового человека.

Для самого Эйзенштадта конструкт чистой революции, который он признает крайне влиятельным, является препятствием на пути исследований трансформаций обществ. Цель его работы состоит, напротив, в том, чтобы показать, что трансформации обществ осуществляются не только посредством чистой революции. «...Хотя человеческим обществам свойственны социальные конфликты, инакомыслие, восстания, изменения и преобразования, однако специфическое объединение элементов, создающее образ подлинной революции, не является единственным естественным путем «настоящих» перемен — и в традиционных, и в современных ситуациях. Скорее это лишь один из возможных путей»⁴. Тем самым Эйзенштадт размывает концепт революции, трактуя подлинную революцию лишь как трансформацию наряду с другими трансформациями, причем как современных (модерновых), так и традиционных обществ. Тем самым категория революции лишается своего специфического ценностного и мировоззренческого смысла, который мы считаем атрибутом революции как основного исторического понятия⁵. Модель чистой революции мы можем, таким образом,

4 Эйзенштадт Ш. Указ. соч. С. 53.

5 Поясним еще раз специфику нашего понимания категории «революция» как фундаментального исторического понятия на примере аналогичных понятий. Понятие «интеллигенция» фигурирует в русском языке начиная с первой трети XIX в. Оно используется в кругах аристократии как одно из словечек для обозначения лиц, имеющих определенный уровень образования и т. д. Однако никаких следов борьбы за его семантическое определение мы в это время не обнаруживаем. Ситуация радикально меняется, когда в России проходит первая волна «омассовления» знания (1860-е гг.). Начиная с этого времени с возрастающим напряжением идет борьба за толкование смысла понятия «интеллигенция». Это наименование становится действенным фактором социального, культурного и политического поведения некой социальной группы. Определение себя в качестве интеллигента становится здесь *реальным* моментом, влияющим на действия социального актора. Принципиально и то, что не-интеллигенты также формируют свой набор ожиданий, действий и стереотипов в отношении тех, кого они воспринимают как интеллигентов.

Возьмем другой пример. Допустим, что есть некие объективные критерии этнической категории «еврей». В этом смысле еврей — он и в Африке еврей. Теперь же

взять за отправную точку дальнейших рассуждений, отвлекаясь от критического отношения к ней самого Эйзенштадта.

С точки зрения предложенных критериев чистой революции, мы считаем возможным выделить только *две* основные революции, задающие базовые исторические ориентиры современного общества. Это Французская революция конца XVIII в. и русская Октябрьская революция начала XX в. Данный тезис мы можем отстаивать, дополнив вышеназванные критерии еще одним: именно две данные революции являются главными смысловыми ориентирами в глобальной перспективе современности. Английская буржуазная революция, американская революция, Парижская коммуна или китайская революция обладают некоторыми (или даже всеми) из названных Эйзенштадтом признаков, но при этом имеют локальный по своей смысловой значимости характер.

Французская революция является образцовой в том смысле, что именно она рассматривается как переломный момент перехода к обществу буржуазного модерна, тогда как Русская революция 1917 г. является главным историческим событием «короткого двадцатого века» (Эрик Хобсбаум), его, так сказать, осевым событием. Например, если разделять точку зрения Эрнста Нольте, то именно возникший советский строй является ключевым фактором, способствовавшим приходу к власти национал-социалистов в Германии.

Выдвигая тезис о наличии двух чистых революций, следует оговориться, что этот тезис не выдерживает никакой целенаправленной исторической критики. Но из того, что он может быть раскритикован, не следует, что он не верен в том аспекте, в котором он здесь выдвинут, а именно: даже если, с точки зрения научно-исторической фактичности, ни Французская, ни Русская революции не являются неким принципиальным, датируемым событием, это не отменяет того факта, что именно эти две революции являются неотъемлемыми элементами смыслового горизонта как обыденного, так и теоретического современного сознания. Наличие отдельных любопытных исследований, датирующих рождение модерна, или современного капита-

предположим, что тот, кто таким вот объективным образом является евреем, оказывается в африканском племени (или древнегреческом полисе), где нет различий между евреями и не-евреями. Очевидно, что поведение того, кто называет себя евреем в этом африканском племени, и поведение членов этого племени к евреям будет существенно отличаться (при соблюдении прочих равных условий) от поведения евреев в обществе, для которого понятие «еврей» является не просто технически-этническим термином, но и несет существенную социально-культурную нагрузку. Последнее обстоятельство устанавливается весьма просто. В частности, здесь разворачивается некая семантическая борьба вокруг понятия «еврей», в ходе которой начинают выяснять, кто такой еврей, каковы типичные черты еврейского характера или еврейской культуры, пишутся статьи «К еврейскому вопросу» или, наоборот, «Стать евреем» и т. д.

Ровно таким же образом мы считаем, что бессмысленно использовать понятие «революция» по отношению к традиционным обществам, поскольку его специфическая ценностная семантика не выходит за пределы периода модерна.

лизма, более поздним⁶ или более ранним⁷ периодом, чем Французская революция, не отменяет того, что теоретики продолжают рассматривать ее как важнейший социокультурный ориентир. В еще большей степени это относится к исторически бесспорной оценке факта этой революции *в качестве принципиального* как ее современниками, так и последующими поколениями. И даже если усилить все тезисы Токвиля и настаивать на отсутствии всякой принципиальной новизны в Новом порядке по отношению к Старому порядку, это допущение не в силах ничего поделать с более чем двухсотлетней историей рецепции Французской революции начиная с Екатерины II и Канта и по сегодняшний день. Сказанное в полной мере относится и к Русской революции (во всяком случае до наступления постсоветского периода, когда начинается массивная семантическая атака на само это понятие, подменяемое такими оборотами, как «большевистский переворот» и т. п.). Иными словами, обе эти революции не только удовлетворяют перечисленным критериям чистой революции, но и входят в число важнейших смысловых и символических ориентиров современного общества. Они не только являются чистыми революциями в соответствии с неким набором критериев, но и воспринимаются в качестве таковых на смысловом уровне обыденного и теоретизирующего сознания.

Возвращаясь к признакам чистых революций, отметим один момент, отмеченный выше Эйзенштадтом. Одним из результатов подлинной революции, согласно Эйзенштадту, является усиление централизации. Мы добавим, что речь как в первой — буржуазной, так и во второй — социалистической революции идет не просто об усилении централизации, а о резком возрастании роли центральной (исполнительной) государственной власти. Этот момент подметил уже Токвиль, отмечая, что целью и результатом Французской революции было «усиление могущества и прав государственной власти»⁸. Разрушив старые институты власти, стирая из памяти людей традиции, Французская революция на первый взгляд превратила общество в руины, «но удалите эти обломки — и вы увидите всемогущую центральную власть, привлечшую к себе и поглотившую в своем единстве все частицы власти и могущества, рассеянные ранее в массе второстепенных властей, сословий, классов, профессий, семей или индивидов, как бы рассыпанные по всему социальному организму... Правда, созданные ею правительства были хрупки, но в сотни раз могущественнее тех, что она разрушила»⁹. Централизация государства на основе сверхцентрализованного партийного аппарата является также неотъемлемым признаком общества, возникшего после Русской революции 1917 г.

Еще одним общим признаком двух названных революций, имеющим зна-

6 См., например: Johnson Paul. *The Birth of the Modern. World Society 1815–1830*. NY: Harper Collins Publishers, 1991.

7 Как это делают Ф. Бродель и И. Валлерстайн.

8 Токвиль А де. *Старый порядок и революция*. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 23.

9 Токвиль А де. *Указ. соч.* С. 15.

чение для последующего рассуждения, является квазирелигиозный характер их идеологии и мотивации. Квазирелигиозный характер принимает форму *универсальной гуманистической доктрины* и является общим как для буржуазной, так и для социалистической революции. Об этом также пишет Токвиль: «... французская революция представляет собой политическую революцию, в некотором отношении принявшую вид революции религиозной и действовавшую ее приемами. Вот специфические черты, довершающие сходство: как и революции религиозные, французская революция выходит далеко за пределы своей страны и делает это при помощи проповеди и пропаганды. Взгляните на это новое зрелище: политическая революция, вдохновляющая прозелитизм, столь же страстно проповедуемая иностранцами, сколь ревностно проводимая у себя»¹⁰.

Этот универсализм, придающий трансграничный характер как мировым религиям, так и великим политическим революциям, вытекает из обращения к человеку самому по себе, из апелляции к его природе, а не к его социальной или политической роли. Марксизм также развивает особый тип универсализма, имеющий наднациональный (классовый) характер. Но и сугубо субстанциальный, «природный» универсализм хотя и заретуширован, но не стерт в марксизме, где достигший предела своей обездоленности пролетариат, которому, как известно, уже нечего больше терять, кроме своих цепей, выступает как безусловная и универсальная человеческая инстанция как таковая, облаченная высшим моральным авторитетом. Морально-гуманистическим пафосом пронизаны, как известно, ранние работы Маркса. Религиозный характер Французской революции, помимо работы Токвиля, был затем раскрыт многими исследователями, в частности Кристофером Генри Доусоном (см., например, его работу «Боги революции»). Применительно к Русской революции эта же идея религиозных корней была воспроизведена затем Николаем Бердяевым в работе «Истоки и смысл русского коммунизма».

КРИЗИС АЛЬТЕРНАТИВЫ

Две обозначенные чистые революции типологически различны. Революция-1 является буржуазной, Революция-2 — социалистической. Фактом является то, что порядок, созданный Революцией-2 проиграл как экономическая и социокультурная система порядку, созданному Революцией-1. К некоторым причинам этого мы обратимся ниже. Пока же затронем два вопроса. Первый из них исторический: можно ли определять социально-политические и экономические трансформации бывшего советского блока конца 1980 — начала 1990-х гг. как революции? На этот вопрос следует ответить отрицательно: поскольку смысл Революции-2 состоял в том, что она понимала себя сама и понималась со стороны как следующий этап общественно-экономического развития по отношению к Революции-1, то демонтаж достижений

¹⁰ Указ. соч. С. 17.

этой революции можно определить исключительно как контрреволюцию. Несмотря на огромный (если не сказать: катастрофический) социально-экономический, культурный и политический сдвиг, данная трансформация, если говорить о пространстве бывшего СССР, в значительной степени лишь воспроизвела (в гротескном и гиперболизированном виде) систему неравенства, возникшую уже в рамках самой социалистической системы, переведя по сути старое административное неравенство в неравенство экономическое, позволяющее зафиксировать его новыми — публично-правовыми — средствами¹¹.

Перестройка и последующие политические события — это эксплицитное оформление свершившейся контрреволюции, а вовсе не начало нового периода.

С точки зрения обозначенных выше политических критериев революции, переход от советской к постсоветской системе можно определить как окончательный демонтаж Революции-2 также по признаку ослабления централизации, падения функциональной значимости центральной государственной власти. Этот процесс проходит безболезненно для множества постсоветских государств Центральной и Восточной Европы лишь в силу включения в различные надгосударственные структуры, которые берут на себя часть контролирующих государственных функций этих стран. Там, где такого включения не происходит, т. е. в государствах Центральной Азии, осуществляется возврат к культурно-традиционным моделям выстраивания и укрепления центральной власти.

Демонтаж Революции-2 имел также следующее принципиально важное следствие: самым серьезным образом была *дискредитирована идея возможной альтернативы капитализму*. На протяжении большей части XX в. такой альтернативой считался социализм, надежду на построение которого поддерживало существование СССР и блока социалистических государств. Последнее справедливо, несмотря на то что строй, существовавший в этих государствах, рассматривался как бюрократизированная и репрессивная, т. е. существенно искаженная и деформированная, версия социализма.

Крах этой системы погрузил альтернативные идеологии в кризис, который интеллектуально усугублялся, с одной стороны, расцветом социологических теорий постиндустриального общества, настаивающих на исчезновении социально-экономической основы классического марксизма, и с другой стороны, постмодернистскими теориями, деконструировавшими гуманистическое, моральное и антропологическое ядро классического социализма (невозможно, в частности, стремиться к подлинному, неотчужденному существованию в мире сплошных симулякров). С точки зрения концептуального потенциала, нельзя сказать, что определенные версии социалистического антикапитализма себя исчерпали: как троцкизм, так и классический марксизм сохраняют свою эвристическую и объяснительную продуктивность.

¹¹ Эту констатацию не отменяет также то обстоятельство, что незначительная социальная группа смогла резко изменить свой социально-экономический статус, что заставляет ее переживать данный период как революционный.

Однако потенциал их важнейшей — практической — составляющей по причинам, которые, на наш взгляд, имеют скорее культурный, чем социально-экономический характер, находится в настоящее время на весьма низком (если не сказать: нулевом) уровне. Как замечает Алекс Каллиникос, один из сторонников социалистического антикапитализма, «социалисты должны показать, что... социализм представляет собой вероятную и осуществимую альтернативу капитализму и что организованный рабочий класс по-прежнему является решающим фактором социального преобразования»¹².

Другие версии антикапитализма (или, если воспользоваться выражением Валлерстайна, антисистемного движения) мы не имеем здесь намерения рассматривать подробно¹³. Отметим только то, что их львиная доля не предлагает в собственном смысле альтернативы капитализму, а является разновидностями продолжения и развития проекта модерна в ситуации исчезновения классовой стратификации общества, когда рабочий класс уже не рассматривается как движущая сила социально-политических преобразований.

ПЕРЕСТРОЙКА И ПОСЛЕДУЮЩИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ — ЭТО
ЭКСПЛИЦИТНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СВЕР-
ШИВШЕЙСЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ, А
ВОВСЕ НЕ НАЧАЛО НОВОГО ПЕРИОДА

Для Антонио Негри и Майкла Хардта новой экстерриториальной империи и «биовласти» может противостоять лишь плюральная сингулярность, причем субъектом протестного действия выступает по сути постиндустриальный (постфордистский) служащий. Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф предлагают развивать незавершенный проект модерна в сторону радикальной демократии. Иммануэль Валлерстайн

также считает необходимым расширить завоевания демократии: демократия должна состояться не только как политический строй, но и как экономический. Политическая программа демократического общества (всеобщее избирательное право и национально-государственный суверенитет) была, согласно Валлерстайну, реализована в рамках либеральной программы буржуазного общества, однако вторая часть этой программы (благополучие) не может быть осуществлена в рамках капиталистической системы. Демократия в экономическом смысле подразумевает:

- 1) разумный доход (рабочее место, позднее пенсию),
- 2) доступ к образованию для детей,
- 3) адекватное современным требованиям медицинское обслуживание (при постоянном росте минимального приемлемого уровня каждого из этих требований).

¹² Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. С. 96.

¹³ Любопытную классификацию этих движений см. в главе «Разновидности и стратегии» цитированной работы А. Каллиникоса.

«Но обладание этими правами на том уровне, которого люди на каждый день требуют, невероятно дорого даже для богатых стран, не говоря уже о России, Китае, Индии. Единственный способ, чтобы *каждый* действительно имел больше, — радикально изменить способ распределения мировых ресурсов по сравнению с тем, что мы имеем сегодня»¹⁴. Сознательной движущей силой этих преобразований являются, согласно Валлерстайну, новые антисистемные движения, под которыми понимаются движения не притесненного большинства («патентованного» пролетариата), но движения меньшинств, которые имеют существенно диверсифицированный характер и не должны, опять же согласно Валлерстайну, стремиться к централизованному согласованию своих усилий. При этом, правда, нет внятных тактических и стратегических рекомендаций относительно того, каким образом эти новые антисистемные силы могут «радикально изменить способ распределения мировых ресурсов». В качестве движущей силы возможных преобразований в миросистемной теории выступают некие натурализованные сущности, вроде Кондратьевских циклов, заменяющие прежние марксистские детерминанты общественного развития, тогда как функция интеллектуалов, этаких инженеров и организаторов общественных преобразований в классической теории, сводится к производству утопий. (Примечательно, что об утопизме говорит и Ричард Рорти, принадлежащий к совершенно иному политическому лагерю.)

Такого рода теории не обладают целостностью и системностью классического марксизма, порождая бесконечное число вопросов об идеологии, стратегии и тактике возможного протестного действия, на которые не дается ясных ответов. Само это протестное движение оказывается, вообще говоря, инкорпорированным в рамки системы капитализма, понимаемой, в свою очередь, как наиболее демократическая из возможных *политических* систем. Несмотря на внешнюю протестную риторику, большинство этих теорий представляют собой, на наш взгляд, «терапевтический» момент самой капиталистической системы, позволяющий канализировать критические интеллектуальные настроения в форме текстов, не имеющих серьезного практического смысла за пределами узкого университетского и околоуниверситетского пространства. Капитализм вбирает протест, превращая его в момент своего собственного движения в заданных рамках академического капитализма.

ПЕРМАНЕНТНАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Кризис антикапиталистической альтернативы является частью более общего вопроса о том, почему все же система, созданная Революцией-2, проиграла системе, созданной Революцией-1. Для понимания сущностной причины этого нам представляется продуктивным обращение к концепции пер-

¹⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 385.

манентной революции Троцкого. Взяв за отправную точку эту концепцию, мы формулируем следующей тезис: буржуазная система приобрела невиданную устойчивость за счет того, что смогла сделать революцию имманентным структурным моментом своего существования. Социалистическая система, напротив, проиграла буржуазной именно потому, что не смогла реализовать в себе этот момент.

В понятие «перманентная революция» Троцкий включал три составляющие. Во-первых, это переход от буржуазной (демократической) революции к социалистической. Этот признак играл важную тактическую роль для обоснования необходимости перехода, не предусмотренного классическим марксизмом, от буржуазной к социалистической революции в России. В силу этого можно рассматривать этот признак как исторически локальный по своему значению. (Хотя Троцкий стремится возвести его непосредственно к Марксу.) Однако возникший в результате социалистической революции новый порядок, согласно Троцкому, мог приобрести устойчивость лишь при соблюдении двух других условий, представляющих для нас здесь главный интерес, а именно: за счет постоянной внутренней революционализации нового социального и культурного порядка и перманентной экстернализации революции, ее импорта за границы нового социалистического государства.

Момент внутренней революционализации Троцкий характеризует следующим образом: «Общество непрерывно линяет... Революции хозяйства, техники, знания, семьи, быта, нравов разворачиваются в сложном взаимодействии друг с другом, не давая обществу достигнуть равновесия. В этом перманентный характер социалистической революции как таковой»¹⁵.

Наконец, необходимость экстернализация революции обосновывается Троцким следующим образом: «Международный характер социалистической революции, составляющий третий аспект теории перманентной революции, вытекает из нынешнего состояния экономики и социальной структуры человечества. Интернационализм не есть отвлеченный принцип, но лишь теоретическое и политическое отражение мирового характера хозяйства, мирового развития производительных сил и мирового размаха классовой борьбы. Социалистическая революция начинается на национальной почве. Но она не может на ней закончиться. Сохранение пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза. Однако при изолированной пролетарской диктатуре противоречия, внешние и внутренние, растут неизбежно вместе с успехами. Оставаясь и далее изолированным, пролетарское государство в конце концов должно было бы пасть

15 Троцкий Л. Перманентная революция. М.: АСТ, 2005. С. 310–311. (Показательно, что цитируемый сборник Троцкого выпущен в одном из крупнейших современных российских издательств, отличающихся своей всеядностью. Книга выпущена в серии «Азбука революционера», а рекламный слоган на 4-й стороне ее обложки звучит так: «МОЛИТЕ БОГА, ЧТОБЫ ЭТА СЕРИЯ НЕ СТАЛА НАСТОЛЬНОЙ!». Это простое наблюдение дает весьма убедительное подтверждение развиваемым здесь тезисам.)

жертвой этих противоречий. Выход для него только в победе пролетариата передовых стран. С этой точки зрения национальная революция не является самодовлеющим целым: она лишь звено интернациональной цепи. Международная революция представляет собою перманентный процесс, несмотря на временные снижения и отливы»¹⁶.

Если мы теперь сопоставим буржуазную и социалистическую системы на предмет соответствия двум последним критериям перманентной революции, то необходимо признать, что им удовлетворяет только современная капиталистическая система. Ускорение — одна из базовых характеристик системы современного капитализма¹⁷, в которой «революции хозяйства, техники, знания, семьи, быта, нравов разворачиваются в сложном взаимодействии друг с другом, не давая обществу достигнуть равновесия». Иначе говоря, речь идет не об индустриальном капитализме, а о позднем (или постиндустриальном) капитализме, в котором эта революционализация стала объективной характеристикой, вытекающей из хозяйственной специфики этого общества. Это связано в первую очередь с динамикой технологического обновления производства. Индустриальный капитализм, разумеется, динамизировал производство. Но эта динамика, достигающаяся за счет промышленной революции и системы разделения труда, на протяжении XIX — первой половины XX в., не вела к нарушению базовых антропологических характеристик участников этого производства («базовых» в том смысле, как они нам известны на протяжении всей предшествующей истории человечества).

Имеется в виду следующее обстоятельство: классический капиталистический пролетарий, освоив в процессе своего воспитания и образования определенный набор знаний и навыков, приобретал профессию на всю жизнь. (В этом он мало чем отличался от представителя традиционного аграрного общества.) Исходя из этого, отстраивалась также вся система образования индустриального капиталистического общества, определяющая характер культурных предпочтений и социальных навыков индивида. Постиндустриальное общество радикально меняет эту систему, разрушая устойчивое равновесие плана человеческой жизни. Скорость технологического обновления производства не совпадает больше с ритмом смены поколений субъектов этого производства и антропологически соразмерным циклом образования и воспитания. Современный субъект производства находится в ситуации постоянной переквалификации, что ведет, в свою очередь, к революционализации структуры и технологий образования. Фактически индивид непрерывно находится в положении обучающегося, т. е. ребенка. «Люди больше не взрослеют»¹⁸. Взрослость исчезает из жизни, тогда как детскость становится

16 Троцкий Л. Указ. соч. С. 311.

17 Систематическое рассмотрение термина «ускорение» для современного общества см., в частности, в работе: Rosa Hartmut. Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005.

18 Формула Одо Маркварда. См.: Марквард О. Эпоха чуждости миру? // Отечественные записки. 2003. № 6 (15).

ся не только объективной характеристикой человеческого существования в соответствии с указанным критерием непрерывного обучения и переобучения, но и культурным образцом, определяющим стиль жизни и поведения современного человека.

К этому базисному признаку добавляется вся система технологических преобразований быта, скорость обновления и тотальная маркетизация культурных продуктов, информационный взрыв, революционализация семейных отношений (например, в форме разрешения гомосексуальных браков) и стратегий сексуального поведения. Совокупность этих изменений создает в постиндустриальном капитализме ситуацию, когда, выражаясь словами Троцкого, «общество непрерывно линияет». Очевидно, что социалистическая система, ключевой характеристикой которой на позднем этапе является застой, а главным абстрактным императивом — ускорение, была обречена на проигрыш капиталистическому строю, сумевшему реализовать этот базовый признак перманентной революции. Крах социалистической системы в этом отношении лишь подтвердил классическое марксистское представление о первостепенной важности базиса (производительных сил) и вторичном характере надстроечных характеристик системы. Идеология и политическая система сами по себе оказались не в состоянии решать задачи, относящиеся к уровню производства и технологии.

Что касается последнего признака перманентной революции — ее экстернализации, то на этом нет смысла долго задерживаться. К такого рода экстернализации стремилась как социалистическая, так и капиталистическая система. Социалистическая система, однако, оказалась намного скромнее и сдержаннее в своих притязаниях на экспорт революции, чем можно было ожидать, исходя из ее идеологической риторики. Во всяком случае, таковой она предстает уже в сталинский период, который фактически стал периодом свертывания широкой революционной программы Троцкого. Социалистическая система не смогла выработать столь же универсальной, квазирелигиозной идеологии, которую смогли сформулировать представители капиталистического мира для обоснования военной экстернализации своей системы. И это несмотря на то, что классический марксизм, как уже отмечалось выше, имел ресурсы для создания такого рода идеологии. (Эти ресурсы использовали западные неомарксисты, но для своих локальных целей.) Капиталистическая система смогла выработать универсальную гуманистическую доктрину, в центре которой находится индивид как базовая ценность, наделенная неотъемлемыми правами (доктрина прав человека). Причем эта доктрина продолжает с успехом использоваться и после эпохи великого противостояния для решения все той же задачи — экспорта и интернализации капиталистической системы как необходимого момента перманентной буржуазной революции. Этот религиозный дух, о котором писал Токвиль, наглядно обнаруживает себя, в частности, в риторике крестового похода США против терроризма и за идеалы демократии. Экстернализация революции, бремя которой взяли на себя в данном случае Соединенные Штаты, является при этом необходимым структурным

моментом капиталистической системы как таковой, а не случайной прихотью страны-гегемона.

Наконец, говоря о чистой революции, мы отметили еще один принципиальный ее признак — усиление центральной исполнительной власти. В этой связи можно отметить, что и в этом отношении современная капиталистическая система несет в себе признак перманентной революционности. Для обоснования этого тезиса здесь мы считаем достаточным сослаться на Джорджио Агамбена, который в своей работе о чрезвычайном положении неустанно проводит мысль о том, что начиная с Французской революции, но особенно интенсивно после Первой мировой войны западная политическая система функционирует во все более интенсифицирующемся режиме чрезвычайного положения, что в политическом смысле и означает расширение возможности исполнительной власти действовать вне и помимо правовой и законодательной сферы. В частности, Агамбен пишет: «Парадигма чрезвычайного положения оказывает такое давление, что вся политико-конституционная жизнь западных обществ все больше начинает принимать новую форму, которая, пожалуй, только в наши дни приобретает свои полные очертания»¹⁹; «она [машина чрезвычайного положения. — В. К.] продолжает функционировать почти безостановочно — начиная с Первой мировой войны, в эпоху фашизма и национал-социализма и так до настоящего времени. Но только в наши дни чрезвычайное положение получило всемирное распространение. Нормативный аспект права может быть безнаказанно обесценен; наперекор ему может выступить власть правительства, которая за границей игнорирует международное право, во внутренней политике вводит перманентное чрезвычайное положение, а потом делает вид, что все еще использует право»²⁰.

«ТЕАТРАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»

Вывод о том, что современная капиталистическая система приобрела все атрибуты перманентной революционности, позволяет по-новому взглянуть на целый ряд специфических характеристик этой системы. В частности, нет ничего удивительного в том, что во второй половине XX в. экономический либерализм и капиталистический индивидуализм (например, в сочинениях Айн Рэнд) перехватил у протестных сил революционный пафос и революционную риторику. Нельзя не отметить, что в плане риторики *радикализма* российские либертарианцы являются двойниками представителей противостоящих им левых течений. Выбор того или иного направления обусловлен в данном случае индивидуально-случайными факторами при сохранении широкой общей базы пафосных склонностей и предпочтений у представителей того и другого лагеря²¹.

19 Agamben G. *Ausnahmestand*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2004. S. 21.

20 *Op. cit.* S. 102.

21 Сравнительное социально-биографическое исследование тех и других траекторий выявило бы, возможно, немалое сходство социального опыта и даже общую принадлежность к одним и тем же диссидентствующим группам в советский период.

Однако возможности капиталистической перманентно-революционной системы оказались намного шире. Она в принципе стала способна «снимать» большинство протестных движений, превращая их в дополнительный ресурс собственной перманентной революционности. Тем самым система приобрела характер фактически неограниченной эластичности, неведомый эпохе раннего и индустриального капитализма с ее жесткой дисциплинарной системой. (1968 год следует, на наш взгляд, рассматривать как рубеж перехода от старой дисциплинарной системы к новым, эластичным формам контроля и нейтрализации.) Можно также выразить эту же особенность современного капитализма, сказав, что его коррупционный потенциал достиг своего мыслимого «потолка». Проще всего это проиллюстрировать на примере художественных практик. Стоит какой-то из них завоевать сколько-нибудь значительный авторитет, как ее продукция немедленно переводится в разряд ходового товара со всеми вытекающими последствиями для художника и его творений. В настоящее время невозможно себе представить эстетическую инновацию, которая не могла бы быть полностью поглощенной и переваренной капиталистическим рынком. Сказанное относится и к интеллектуальному творчеству. Система современного академического капитализма способна включить и нейтрализовать любое протестное слово. Достаточно взглянуть на издательские брэнды современных протестных изданий или поинтересоваться институциональной привязкой и источниками доходов интеллектуальных предпринимателей, выступающих в роли критиков системы.

Пока мы, однако, говорили о развитых территориях современного капитализма. Ситуация является намного более сложной и драматической там, где динамика и имманентная революционность жизни не дотягивают до уровня центра системы. Здесь возникает множество вопросов, связанных с гипотетической возможностью Революции-3 в форме, скажем, исламской революции. Однако приходится признать, что на сегодняшний день такого рода протестные движения трудно трактовать иначе как традиционалистскую реакцию на вторжение капиталистических отношений и ценностей (на модернизацию), вызванную неспособностью системы быть равноинтенсивной во всех своих частях. Эта проблема, очевидно, существует, но трудно сказать, что быстрее приведет к ее решению — утопия более справедливого распределения ресурсов, о которой говорит Валлерстайн, или простое повсеместное внедрение в слабо развитых странах персональных компьютеров стоимостью 100 долларов.

Если же обратиться к феномену «цветных революций» на постсоветском пространстве, то из предложенной здесь перспективы можно следующим образом оценить их роль и значение. В тех сегментах современного капитализма, которые не способны обеспечить необходимую динамику имманентной революционности на социальном и культурном уровне, срабатывают механизмы экстагической компенсации, принимающие форму «театральной революции». Революционность, равномерно распределенная в структуре развитых капиталистических стран, восполняется здесь локальным

интенсивным переживанием катарсиса, внушающего участникам и одновременно потребителям данного революционного переживания чувство глубокого преобразования и интенсификации общественной жизни. Такого рода театрализованные действия имеют, разумеется, важный психотерапевтический эффект, снимая спазм социальной депривации²². Этим, правда, их значение исчерпывается. Но и в этом моменте современная капиталистическая система демонстрирует свой революционный потенциал, поскольку допускает внутри себя экстренный, но, тем не менее, безопасный механизм прямого политического волеизъявления и действия.

²² Именно в таких социально-психологических терминах в свое время осмыслил причины бунтов Тед Роберт Гарр. См.: Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. М., СПб.: Питер, 2005. Работа впервые вышла в свет в 1970 г.